

Двор Пепла и Льда

Амитрий Старьев

Дмитрий Дмитрий

Двор Пепла и Льда

<https://litres.ru/74361877>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её отдали в жёны дракону, которого она поклялась ненавидеть.

Ли́ра – простая знахарка из Пограничья, которую собственная деревня отдаёт в дань Двору Пепла. Каэл Ашрен – Верховный Лорд, вынужденный выбрать невесту, чтобы удержать трон. Их брак больше напоминает сделку, а не союз любви. А их узы похожи на ловушку больше, чем на подарок судьбы.

Но когда из рук Леры вырывается сила, которой не должно существовать, оба узнают: её кровь больше, чем просто тайна забытого рода. Это оружие, за которым охотятся оба враждующих двора. И цена ошибки может стоить им обоим жизни.

Вынужденный брак. Враги, ставшие чем-то большим. Магия, которая связывает и предаёт.

Готовы ли вы разжечь пламя, которое либо спасёт двор, либо сожжёт его дотла?

Содержание

Введение	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Двор Пепла и Льда

Введение

ДВОР ПЕПЛА И ЛЬДА

Тёмное ромфэнтези

Её отдали в жёны дракону, которого она поклялась ненавидеть.

Ли́ра – простая знахарка из Пограничья, которую собственная деревня отдаёт в дань Двору Пепла. Каэл Ашрен – Верховный Лорд, вынужденный выбрать невесту, чтобы удержать трон. Их брак больше напоминает сделку, а не союз любви. А их узы похожи на ловушку больше, чем на подарок судьбы.

Но когда из рук Леры вырывается сила, которой не должно существовать, оба узнают: её кровь больше, чем просто тайна забытого рода. Это оружие, за которым охотятся оба враждующих двора. И цена ошибки может стоить им обоим жизни.

Вынужденный брак. Враги, ставшие чем-то большим. Магия, которая связывает и предаёт.

Готовы ли вы разжечь пламя, которое либо спасёт двор, либо сожжёт его дотла?

[Дмитрий Ставьев]

Пролог

Дым в тот вечер пах не так, как обычно пахнет очаг.

Лира поняла это ещё до того, как расслышала крики — резкий, металлический запах, от которого сводило горло и слезились глаза, совсем не похожий на сладковатый дух горящих дров или пряный чад Хельгиной печи, когда та пережаривала травяные настои. Этот запах был чужим. Голодным.

Она стояла у грядки с поздней мятой, присев на корточки, с ножом для срезки в одной руке и пучком уже собранных стеблей в другой, когда воздух вокруг вдруг налился тяжестью — так бывает перед грозой, только гроза эта пахла палёным.

— Мира! — крикнула она, не поднимаясь с колен, всё ещё цепляясь за нелепую надежду, что ошиблась. — Не выходи из дома!

Из-за занавески высунулась растрёпанная светлая голова — Мире было пятнадцать, и в свои пятнадцать она умела быть одновременно упрямой и до отчаяния послушной, в зависимости от того, что было для неё важнее в данную секунду.

— Это они? — Голос сестры дрожал. — Пепельные?

Лира не ответила сразу. Она поднялась медленно, будто резкое движение могло привлечь внимание неба, разорванного оранжевыми всполохами над соседскими крышами —

небо цвета переспелой сливы, испятнанное дымом, который поднимался не от одного очага, а сразу от нескольких, там, где раньше стояли амбары.

Ответ был написан прямо над их головами, и он не требовал слов.

Всадники вошли в деревню со стороны западного поля неторопливо, тем шагом, каким идёт человек, точно знающий, что бежать от него некуда и незачем пытаться. Доспехи цвета обугленного дерева — не блестящие, не парадные, а рабочие, со следами старых сколов и новых вмятин, — и на плащах, тяжело обвисших в безветренный вечер, герб дома Ашрен: дракон, обвившийся вокруг горы, будто душащий её собственным телом.

Лира слышала про этот герб с детства. Матери в Пограничье пугали им детей вместо сказок про болотных духов: не балуйся, а то придут Пепельные и заберут. Она никогда не думала, что для неё это перестанет быть присказкой.

Отец вышел им навстречу один, со старым топором для колки дров в обеих руках — не оружие, орудие труда, — и Лира запомнила на всю жизнь, как дрожали его пальцы на топорище. Не от страха. От ярости, которую он копил, наверное, всю жизнь и не позволял себе показывать при детях.

— Мы платим дань исправно, — сказал он. Голос сорвался ровно на середине фразы, будто гортань отказалась договаривать до конца. — В прошлом месяце отдали зерно. У нас нет того, что вам нужно.

Командир гвардии не спешил. Его шлем с узкими прорезями вместо глаз повернулся в сторону отца лениво, почти скучающе, как поворачивается голова хищника, разглядывающего добычу, которая ещё не поняла, что уже поймана.

— У вас есть люди, — сказал он ровным, лишённым интонаций голосом. — Совет решит, кто из вас понадобится.

Лира видела, как поднялся топор. Она не успела крикнуть — воздух застрял в груди, будто кто-то невидимый сжал ей рёбра.

Она не запомнила самого удара. Только звук — глухой, страшный в своей обыденности, — с которым отец осел в дорожную пыль, и то, как земля под её босыми ногами вдруг стала чужой, будто она всю жизнь стояла не на своей почве, просто не знала об этом раньше.

Мира зажимала себе рот обеими ладонями за занавеской — Лира видела это краем глаза, разворачиваясь, чтобы броситься к сестре раньше, чем та закричит и привлечёт внимание. Она втокнула Миру обратно в темноту дома, зажала её крик собственной ладонью и держала так — обе замерев, прижавшись друг к другу, — пока топот копыт не стих в отдалении, а с ним и последние крики со стороны амбаров.

Всадники уехали, забрав с собой список имён, написанный на клочке пергамента чьей-то равнодушной рукой, и обещание вернуться через месяц за «данью» — будто человеческие жизни были налогом, который можно рассчитать заранее.

Ли́ра не плакала в ту ночь. Просто сидела у остывающего очага рядом с телом отца, которое соседи помогли перенести в дом, перебирая пальцами сухую лаванду в мешочке на поясе — привычка, оставшаяся с тех пор, как мать научила её этому жесту: держись за то, что можешь понюхать и потрогать, когда мир перестаёт иметь смысл. Горький запах дыма всё равно просачивался сквозь аромат трав, но хотя бы не забивал его полностью.

К рассвету, когда Мира наконец уснула у неё на коленях, измученная слезами, Ли́ра дала себе обещание — тихое, без свидетелей, произнесённое одними губами в темноту: если однажды придёт её очередь платить эту дань, она войдёт в их проклятую Цитадель не жертвой. Пусть заберут её тело. Гордость останется при ней.

Глава 1

Совет старейшин собрался в доме травницы Хельги — самом просторном в деревне после того, как минувшей весной сгорел амбар семьи Торвальд. Внутри пахло сушёным зверобоем и воском, и в другой день этот запах успокоил бы Ли́ру: она провела в этом доме половину детства, училась у Хельги отличать *belladonna* от обычного паслёна, запоминала, какая кора снимает жар, а какая — только маскирует его. Сегодня запах трав не помогал ничем.

Она стояла у двери, скрестив руки на груди, и слушала, как шестеро стариков решают её жизнь тем же тоном, каким

обсуждали бы, сколько зерна отправить в амбар на зиму.

— Список готов, — сказала Хельга наконец, не поднимая глаз от свитка, исписанного мелким убористым почерком старейшины Гуннара. Голос у неё был ровный, тщательно выскобленный от всяких эмоций — Лира знала эту интонацию: так Хельга говорила с умирающими, когда правда была слишком тяжёлой, чтобы произносить её иначе. — Три семьи должны отдать по одному человеку. Дом Йорин. Дом Свенссон. И твой дом, Лира.

Комната будто сжалась вокруг неё. Она заставила себя не отступить назад, хотя каждая клетка тела требовала именно этого.

— У меня есть сестра, — сказала Лира. Голос звучал ровнее, чем она чувствовала себя внутри — этому она тоже научилась у Хельги: если тело дрожит, пусть хотя бы голос лжёт убедительно. — Ей пятнадцать. Если возьмут её вместо меня...

— Никто не возьмёт ребёнка, — оборвал её старик Гуннар, не отрывая взгляда от глиняной кружки с элем, которую вертел в узловатых пальцах. — Возьмут тебя. Радуйся, что не хуже.

— А что хуже? — спросила Лира, хотя часть её не хотела знать ответ.

Тишина, повисшая после этого вопроса, была тем самым инструментом, которым взрослые пользуются вместо честности — Лира видела это множество раз, когда сама сиде-

ла у постели умирающих больных и родственники избегали смотреть им в глаза. Никто из шестерых стариков не ответил. Просто отвели взгляды: кто в окно, кто в кружку, кто на собственные сапоги.

Она вышла на улицу, где Мира уже ждала, кутаясь в шаль, слишком тонкую для промозглого осеннего вечера — шерсть давно свалялась и не грела так, как должна была.

— Ну что? — спросила сестра дрожащим голосом, хотя по лицу Лире уже, наверное, всё было понятно без слов.

— Я еду в Цитадель, — сказала Лира, стараясь, чтобы фраза прозвучала как собственное решение, а не как приговор, вынесенный шестью стариками за закрытой дверью.

Лицо Миры исказилось — смесь ужаса и упрямства, знакомая Лире с тех пор, как сестра была совсем маленькой и точно так же смотрела на любую несправедливость мира.

— Я поеду с тобой, — сказала она твёрдо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.